

Александр Яшин — известный советский поэт и прозаик, человек «ранней», характерной для 20—30-х годов судьбы: печататься стал с пятнадцати лет, в семнадцать преподавал в сельской школе, в девятнадцать стал председателем Вологодского оргкомитета Союза советских писателей. Поэт истинной, непоказной гражданственности, для которого призвание является высоким долгом. «Писать, пока хочется, пока танет к столу... Дело художника сидеть

А теперь — Яшина. 27 марта ему исполнилось бы 70 лет. А я хорошо помню вечер в ВТО — пятидесятилетие Александра Яковлевича, где мне открылась еще одна грань его характера. Когда предоставили слово юбиляру, он поднялся, потирая руки, переступая с ноги на ногу, несколько растерянно улыбаясь, и вдруг сказал: «Нет, я пока еще стесняюсь», — и сел на место. Через некоторое время он начал читать, читал долго и хорошо. Эта заминка была особенно неожиданна по контрасту с шумным весельем дома. К этому периоду относятся и надписи в книге, сделанная им 9 апреля 1963 года, то есть двадцать лет назад: «Вере Васильевне и ее Вадиму, профессорам музыки и физики, от души — Александр Яшин».

Как-то узнал от меня, что я пишу («для себя»). «Давайте, мы вас напечатать». Он, я видел это неоднократно, с удовольствием помогал начинающим поэтам. Я принес, а в следующий раз увидел свои стихи с его карандашной правкой. В одном из московских журналов ему ответили, что одно стихотворение безвестного поэта напечатано, а сразу подборку —

не пришлось потом ему ничего говорить — весной 1968 года он слишком ясно осознал, чем болен.

О, как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать
дыханье!
Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч возможных —
Расставанья.

Несжатый клином жизнь лежит
у ног.
Мне никогда земля не будет
пухом:
Ничьей любви до срока не сберег
И на страданья отзывался глухо.

У меня хранится своеобразный автограф «Отходной». В июле 1966 года Александр Яковлевич с группой литераторов выступил в Одессе, где мы встретились, предварительно договорившись в Москве. По дороге в Дом ученых, там было одно из выступлений, спросили какого-то одессита, как

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

и трудом своим, постоянной творческой напряженностью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле», — скажет он, уже прикованный к постели.

...Начало 1963 года. Раздается звонок. Отирываю дверь, и в нашу маленькую переднюю начинает вливаться семейство — я бы сказал, племя — Яшиных: высокие, статные, с горящими озорством глазами — папа, мама, две дочери, два сына. Сразу влюбляюсь во всю семью. С Яшиными просто — их все интересует, любопытство — до всего. У всех шестерых одно имя — Яшины (одно понятие). Через год Александр Яковлевич спрашивает меня: «Кого в нашей семье вы любите больше?» «Не знаю — всех вместе».

Александр Яшин — любознательный, азартный, озорной, с диапазоном настроений от заразительного веселья до черной меланхолии. С трудным характером? Да. Для себя, для других. А бывает легким? Уж если есть характер, то непременно трудный: это и проявление и защита индивидуальности. Натываются на «углы» и тут же — «трудный характер».

Александр Яковлевич мечется: слишком многое в жизни для него интересно, но он понимает: «Так нельзя». А потому постоянно в состоянии подготовки к «побегу». В это время почти готов дом на Бобринском Угоре. С какой надеждой говорит он об этом:

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобринским Угором...

и дальше:

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.

Надо уехать. Там только и можно что-то написать. А вдруг не пишется? А в это время здесь пропустись что-нибудь интересное. На вопрос одной знакомой «Как живете?» ответил с вологодским «о»: «Нелепо». Знакомая обиделась — «насмеяется». На самом деле ответ был совершенно искренен, я бы сказал, выстрадан:

Не завершил ни одного пути.
Как незаметно наступила осень!
Летит листва.
Куда уж там летит —
Ее по свету шальной ветер носит.

К этому прекрасному стихотворению — «Отходной» — я еще вернусь.

Когда «не шло», мог вскопичить и воскликнуть: «Поехали!» Так, внезапно в сентябре 1965 года сорвался в Константиново на двух машинах. «Надо съездить, 70-летний юбилей Есенина»...

нет. Очень рассердился: все-таки его рекомендация. Когда мы встретились, мрачно сказал: «Одно печатать не будем. Давайте в другом журнале». А еще через несколько дней, озорно улыбаясь: «Я их подпишу своей фамилией, а когда уже будут идти в набор, скажу, что эти стихи ваши». Это было в конце 1967 года. А в марте следующего выяснилось, что он безнадежно болен.

В 1975 году, раскрыв «День поэзии», среди подборки стихов Яшина с удивлением увидел свое: «Я выдержу, выдержу...» Публикация З. К. Яшиной. Звоню Злате Константиновне: «Вы знаете, что опубликовали мое стихотворение, такое-то?» Поверила: на копии написано — Александр Яшин, но карандашом, слабо. Значит, одно из тех, что он собирался напечатать «хитрым способом». Ну что ж, все-таки напечатал, только уже не смог сказать, что это не его, а мое. Так реализовалось через семь лет после смерти и его желание мне помочь, и его озорство и азарт.

Теперь еще раз о стихотворении «Отходная». Он много думал о болезни, которая потом так жестоко расправилась с ним: предчувствовал или накликал? Но тогда, в 1966 году, ее ничто не предвещало. Как-то гуляли по Переделкину, и он вдруг сказал: «Если я смертельно заболею, то от меня это будут скрывать, так принято. Меня будут обманывать из жалости. А я не хочу, чтоб меня жалели. Дайте слово, что скажете». Я с легкостью дал ему это слово, так как был уверен, что он совершенно здоров и крепок. Мне

пришлось потом ему ничего говорить — весной 1968 года он слишком ясно осознал, чем болен.

О, как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать
дыханье!
Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч возможных —
Расставанья.

Несжатый клином жизнь лежит
у ног.
Мне никогда земля не будет
пухом:
Ничьей любви до срока не сберег
И на страданья отзывался глухо.

У меня хранится своеобразный автограф «Отходной». В июле 1966 года Александр Яковлевич с группой литераторов выступил в Одессе, где мы встретились, предварительно договорившись в Москве. По дороге в Дом ученых, там было одно из выступлений, спросили какого-то одессита, как

Пройти. Он с чисто одесским радушием и расторможенностью подробно объяснил и тут же без перехода: «А вам шариковая ручка не нужна?» Тогда они были в новинку. Незнакомец достал блестящую на солнце четырехцветную ручку. Я купил ее. На следующий день в гостинице Александр Яковлевич попросил ее показать: «Дайте я что-нибудь напишу». На листе писчей бумаги он записал «Отходную», только недавно написанную им (еще не произошло «отторжения»). Он еще жил ею, понимая, что она — большая удача. Первая строфа была написана черным, вторая — синим, третья — красным, четвертая — зеленым. А так как строф всего было пять, то последняя вышла пестрой: каждая строчка своим цветом...

После похорон на Бобринском Угоре был в городе Никольске вечер, посвященный памяти Яшина. Выступали с воспоминаниями друзья, знакомые. Читали его стихи. Выяснилось, что текста «Отходной» ни у кого нет. Я ее помнил наизусть со времени Одессы. И прочитал, как смог:

Потери сердца людям не видны,
А радости стучатся в дверь
все реже.

Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отрекаюсь,
Но долги все те же.

Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упреков?
О, как мне будет трудно
умирать!

И никаких
нельзя
извлечь уроков...

Человеку свойственно вспоминать. Однако воспоминания, преданные гласности, это особая ступень ответственности, когда надо решить для себя два вопроса: первый — имею ли я право на воспоминания и второй — имею ли я право не вспоминать. Сел писать, так и не решив для себя ни того, ни другого вопроса. А начав писать, осознал вдруг, что срок, отдающий меня от последней встречи с Александром Яковлевичем в больнице за несколько дней до смерти, куда больше длительности нашего знакомства. Мы познакомились в 1963 году, а уже через пять лет его не стало. Но мне казалось и до сих пор кажется, что мы дружили очень долго.

Вадим КНОРРЕ